

Кругозор 11 1965

СМИЛГЕ ПРИСЫЛАЙТЕ УСТАВ СВЕРДЛОВ

Гравюра А. Цветкова.

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

«Гельсингфорс, основная стоянка Балтийского флота, вот уже несколько дней притаился, затих, как бы выжидая исключительных событий. Ночная жизнь города замерла; увольнения на берег с кораблей прекращены, как и отпуска из казарм; на улицах только военные патрули...» Так начинается воспоминания участник октябрьских событий 1917 года Александр Иванович Ковригин. Свой рассказ Александр Иванович ведет на второй звуковой странице.

Доведе ли язык до Киева? Я встал утром, положил в рюкзак зубную щетку, взял магнитофон и, спустившись в метро у Речного вокзала, вышел на площадь Революции. Там ждал фотокорреспондент Алексей Лидов.

— До Киева? — Шофер аэропортовского автобуса устало посмотрел в небо. — Есть три дороги...

...Машина, задрав морду, пронеслась мимо.

— Ого, вот тебе и доброта, — переглянулись мы.

Потом мимо промчалось еще десять машин.

— Это частник, — сказал один.

— Это чиновник, — сказал другой.

— А может быть, у них дела и они спешат?

Остановилась двадцать первая. После недолгих переговоров мы сидели в кабине восьмисоснового грузовика. У шофера Вити Солнцева болел зуб.

— Что? Доброта? Жалко что ли, если место есть и время на остановку? До Киева? За сутки на попутных доскочите. Неделю? Бросьте! За неделю до Барнаула — это еще туда-сюда.

Впрочем, зачем перекладывать живую речь на бумагу. Я отсылаю вас к звуковым страницам.

(Реплика Вити Солнцева «Дорога — мое рабочее место»)

В Москве мы боялись, что будем двигаться слишком медленно. Теперь боялись, что движемся слишком быстро. Как на линии метро. Только тоннель был пробит прямо сквозь серо-синий горизонт и крыт белым облаком. Ощущение — везде как дома: никто не удивлялся, не расспрашивал, если мог — помогал. У путника — широкие запросы. Ему нужно ночевать. Испытать людскую доброту — задача на первый взгляд благородная и увлекательная. Но ведь и твою доброту испытывают тоже. Правда, без задания редакции. И кто здесь последняя инстанция? У кого больше прав? На этот счет мы согласились с одним таксистом.

(Монолог «О праве на доброту»)

Итак, ночь. Деревни по обочинам спят. Стучать в любую дверь? Кто стучался до нас? Какую память оставил о себе?

(Реплика старика о сукнином сыне.)

ДОВЕДЕТ ЛИ

И мы подходили к светящимся, а иногда и темным окнам и, борясь с неловкостью, стучали. Мы брали доброту в кредит. Расчет мог значиться где-то впереди. И, может быть, совсем по другим статьям. Важно было только знать, что бюджет страны на доброту составляется всеми вместе. Как ска-

ЯЗЫК

Игорь
САРКИСЯН

ДО КИЕВА?

*Звуковая повесть
с приключениями и монологами*

зал между Довсом и Гомелем один постовой милиционер, доброта осуществляется без нашего ведома, самопроизвольно.

...Навстречу идет человек. Кто он? И куда? Будет ли он рад разговору? Или лучше не докучать вопросами? Не спугнуть его мыслей? Не сбить походку? А может быть, он то же думает про тебя? И подходишь.

(Монолог не первого встречного о цели своей жизни.)

В деревне Ямное мы неожиданно разругались с фотокорреспондентом. Мы встретили старика, о котором можно только мечтать. Старик сказал: «Нет таких злых, чтобы говорили: вот я злой. Гораздо приятнее слыть добрым. Но добрым быть труднее, чем злым».

Потом старик сказал, что недоволен местной властью, так как она настаивает на искусственном осеменении коров. «Восемь раз сводишь, а все равно яловые остаются». Еще старик сказал, что Земля не вращается вокруг Солнца. И час доказывал. Он был влюблен в светила, как мальчишка.

(Монолог старика в стихах и прозе о небесах.)

А мой спутник сказал, что снимать его ни к чему.

— Не пойдет, — сказал Лидов, — он не для журнала.

— Ладно, — сказал я, — сними просто так.

— Я вышел из того возраста, чтобы снимать просто так. И потом мало света.

Это были непробиваемые аргументы. Пятнадцать километров мы шли, не останавливаясь, и ругались. Исследователи человеческой доброты оказались мелкими скандалистами.

Словно чувствуя недоброе, нас не пустили в эту ночь в пяти избах. Один комбайнер все же осмелился. Он предложил нам навес с сеном над свиньями. Мой товарищ насвистывал песенки, желая показать свое полное безразличие. Я имитировал храп.

Утром солнце было без туч и залило землю светом. Оно могло бы засветить цветную и черно-белую пленку всех фотокорреспондентов ближайших планет. Мы вернулись к старнику.

(Реплика внука о том, что смогли бы деды, если бы жили, как сейчас живут их внуки.)

Подозрительных людей теперь не любит никто. За все 800 километров у нас только один раз попросили документы. Через Гомель мы проходили ночью. В гостинице мест не было. Мы зашли в милицию и попросили забросить нас на дежурном мотоцикле к ближайшему леснику. Майор дол-

го записывал в журнал исходные данные.

— Ваше удостоверение просрочено,— сказал он после раздумья.

— Оно бессрочное,— сказал я, больше чем на майора злясь на себя за необоснованный страх. А вдруг?.. Что именно «вдруг», я сказать не мог.

— А как ваша фамилия? — не выдержал я и вынул блоннот.

Подействовало безотказно. И на счет «вдруг» стал думать он.

Майор представился и кивнул мотоциклисту: «Вези!»

Таким образом, счет матча между командами «Доверие» и «Подозрительность» был 800:1.

Усталость в дороге, как ром. Сладковатая, дурманящая голову, дающая мудрость и силу. И как приятно было лежать на земле лицом к синим вертикалям небес, раскинув руки, и чувствовать, как ветерок перебегает из одной ладони в другую. На всю жизнь запомню белый скелет дерева, распростертый на облаках, гигантское гнездо и мальчика, сидящего у дерева под гнездом.

(Монолог мальчика об аисте.)

Цель путешествия нагрнула стремительно и, не дав опомниться, предложила сразу сто дорог, тысячу улиц, миллион лиц. Мы

свыклись со своим положением и забыли удивиться тому, что язык довел нас до Киева.

В музыкальном отделе республиканского радио я встретил милую молодую женщину. Когда Ляля узнала о нашей дороге, она сказала:

— В таком случае, чтобы не только увидеть Киев, но и услышать его голос, его душу, нужно зайти в гости к моей подруге Евгении Мирошниченко. Язык доведет до Киева, доброе сердце до доброй цели, а щедрый талант — до призвания.

(Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник» и рассказ певицы о том, что счастливая судьба — это когда вокруг добрые люди.)

ШОФЕР: СКОРОСТЬ ЗАВИСИТ НЕ ТОЛЬКО ОТ МОТОРА, НО И ОТ ДОБРОТЫ ЛЮДЕЙ НА ДОРОГЕ.

И еще ответ на вопрос «Доведет ли язык до Киева?» я услышал в Институте кибернетики. Когда-то в Киев ходили из-за Лавры. Мо-

Фото А. Лидова

УЧЕННЫЙ: ЯЗЫК МОЖЕТ ДОВЕСТИ НЕ ТОЛЬКО ДО КИЕВА, НО И ДО ДРУГИХ ПЛАНЕТ.

литься. Недавно в Институт кибернетики устроили паломничество матери. Они прочитали информацию о том, что здесь работают над проблемой лечения детского паралича биоточками.

Мой собеседник Анатолий Александрович Стогний (31 год), заместитель директора института по научной части, ничего не делал просто так: он всегда ставил эксперимент. Эксперимент над своим интеллектом. Доброта ума — вот что его отличало.

(Окончание на 6-й стр.)

М. И. КАЛИНИН

ЧТО ДУМАЕТ ПРЕДВЦИК, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ

22-го декабря этого года мне пришлось быть на симфоническом концерте приехавшего из Германии Оскара Фрида...

Первая часть концерта была музыка Моцарта. Нельзя сказать, чтобы она меня очень увлекла, но... характерно, что и за эти первые три четверти часа я ни разу не спускал взгляда с дирижера. Нужно сказать, что все переживания: движения рук, вся пластика дирижера целиком совпадали с теми звуками, которые лились. И у меня были два восприятия: одно непрерывное, непосредственно от движений Фрида, а другое — от звуков. И что на меня больше влияло — звук или состояние дирижера, — не знаю. Но одно ясно, что все движения его совпадали со звуками и я как будто был под гипнозом сочетания этого движения с музыкальным звуком. Но вот перешли к Четвертой симфонии Бетховена. И здесь, действительно, развернулась музыкальная сила Фрида, то, что может сделать человек с этим звуком. Я по-прежнему ни на один момент не упустил из виду дирижера, весь вид которого

в этой симфонии, казалось, еще более сочетался со звуками. Вот он как будто несется перед громадной, многочисленной толпой, которая с топотом, ревом бросается за ним, то вдруг он медленно останавливается и слух ласкает удивительное сочетание самых нежных звуков, то вдруг опять раскаты грома...

Характерно, что когда Фрид управлял оркестром, то он почти не смотрел на ноты, он сразу перелистывал по нескольку страниц; каждый лист нот, каждый жест вызывал у него особое выражение лица: то вдруг моментально появляется нервная дрожь руки, взгляд недовольства в одну сторону, то моментально с нежным звуком лицо расплывается в удовлетворенную улыбку; удовлетворенность чувствуется в каждом пальце, которым он командует. Ясно видно, что, помимо таланта, который несомненен, у Фрида есть колоссальное знание сочетания музыкальных звуков и умение их комбинировать. И все это вместе — талант, любовь к делу, огромное знание и собственное увлечение

концертом, — все это и есть то, что заставляет людей, по своей сущности не музыкальных, восхищаться и любить музыку. Для меня нет никакого сомнения, что если бы на этот концерт привезли крестьян, то все бы они были так же очарованы, как присутствующая публика. То же самое и рабочие.

Во время слушания этого концерта мне невольно пришло на мысль сравнение. Я недавно посетил Институт Карла Маркса...

Июль 1919 года. С агитпоездом «Октябрьская революция» в село Ровное, Саратовской губернии, приехал М. И. Калинин.

Из фондов Государственного музея М. И. Калинина

Село Верхняя Троица. В этой избе родился М. И. Калинин.

Фото Л. Михневского

С огромной неохотой я, наконец, решил пойти, — ведь так часто приходится официально рассматривать всевозможные учреждения, знаменитости, таланты и т. д. Но когда я пришел в Институт Карла Маркса, то тоже в течение 4 часов я с величайшим удовольствием ходил по кабинетам института, где мне показывали немецкие, китайские, английские, французские и прочие фолианты, книги, содержание которых иногда известно, иногда нет, во всяком случае, внешние впечатления от этих книг были: их толщина, величина, переплет, их внешняя, материальная часть. Мы пересмотрели огромное количество книг, фотографий, писем, записных тетрадей различных знаменитостей и окончили этот осмотр записными книжками Карла Маркса...

Вот эти два небольшие эпизода, случившиеся со мной на протяжении двух недель, самым великолепным образом иллюстрируют тот путь, по которому должна идти наша воспитывающаяся молодежь. Этот путь: перво-наперво найти себя, найти то, что более свойственно твоей психологии, твоему характеру, темпераменту, твоим интеллектуальным силам. Второе: то, что тебе нравится, изучить в полном смысле этого слова до конца, до той степени, до какой хватит твоих сил и способностей. В-третьих: любить, развиться той работой, той отраслью деятельности, которой думаешь себя посвятить. Без этих трех качеств ты останешься простым ремесленником и, разумеется, никакого впечатления ни на кого и нигде производить не будешь.

Пусть это раздумье послужит назиданием моим наследникам и наследницам.

1922 г.

Мы, красноармейцы 2-го Петроградского батальона, заслушав председателя ВЦИК тов. Калинина, постановили двинуться немедленно на врагов контрреволюции, угрожающих с Востока во главе с царским адмиралом Колчаком, который идет против Рабочей и Крестьянской Советской России.

Резолюция 2-го батальона 1-го Петроградского запасного полка.

30.4.19 г. в Муроме.

ДОВЕДЕТ ЛИ ЯЗЫК ДО КИЕВА?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Репортер. Вы говорите несколько общо. Это где-то уже было.

Ученый. Понял, когда говоришь о знакомом, всегда идешь по проторенным путям. Сейчас постараюсь...

Репортер. Вы говорите на микрофон. Скрываете свой характер за стандартной интонацией.

Ученый. Ясно. «На микрофон» — условный рефлекс. Попробуйте разозлить меня...

Репортер. Вы слишком подробно. Рассчитывайте на то, что вас понимают с полуслова.

Ученый. Понял. Надо делать скачки в информации. Ведь достаточно импульса, и у вас включаются ассоциации.

Репортер. У меня кончается пленка. Осталось две минуты.

Ученый. Выжимайте из меня, что сумеете.

Репортер. Мне нужно монолог кибернетика XX века. Всю суть всех проблем и эмоциональное состояние.

Ученый. Прекрасно. Попробуем блиц.

(Монолог кибернетика.)

Я шел по Киеву. Как модная прическа, спадала корона ивы. Девушка остановилась, чтобы поправить свою прическу и случайно коснулась рукой ветвей ивы.

И прошло зло на таксистов, которые не останавливаются или торгуются: «Туда не поеду!», на работников почтамта, которые заранее исходят из того, что их хотят обмануть («Откуда перевод?»), на переполненные гостиницы и автобусы, на очереди, на председателя горсовета, который в ответ на просьбу сказать о гостеприимстве, произнес: «Обратитесь к моему заместителю»...

Мир был так прекрасен, что я боялся признаться в этом даже себе. И старался улыбаться как можно сдержаннее. Он был добрый, прирученный человеком и, словно галактический слон, неслышно переступал по орбите. Мне захотелось погладить его по спине. И я погладил земной шар по дороге.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Ник. КРУЖКОВ

Немецкий журналист Эгон Киш, участник гражданской войны в Испании, описал волнующую сцену, свидетелем которой он был: «На берегу реки, дожидаясь исправления разрушенного моста, сидят солдаты. Они не знакомы друг с другом. Здесь и молодые, недавно призванные в армию испанцы, и бойцы интернациональных бригад... Вопросы, с которыми обращается сосед к соседу, не встречают иного ответа, как только пожатие плеч в знак непонимания. Но вот один солдат достает из кармана губную гармошку. Мелодия «Партизанской» сначала робко, потом все уверенней несется над толпой притихших бойцов. Вот с одного конца доносятся сербские слова этой песни, вот ее подхватили по-болгарски... И русская «Партизанская» гремит над рекою разноязычным, но могучим и стройным хором. Песня объединила этих людей, подняла их дух, их силы».

«Партизанскую» пели, по свидетельству Юлиуса Фучика, заключенные фашистских тюрем. Ее пели сыны борющейся Франции в отрядах движения Сопротивления. Она служила верную службу партизанам Югославии, Болгарии, Чехословакии. К ней иногда сочиняли свои слова, но ее мелодия, как красное знамя, развевалась и трепетала над суровыми рядами борцов.

Как же возникла эта песня? В 1920 году погиб доблестный Сергей Лазо, один из руководителей дальневосточных воинов революции. Памяти Сергея Лазо и посвятил песню «Партизанский гимн» партийный работник Дальнего Востока Петр Парфенов, сын крестьянина, батрак, ставший учителем и большевиком.

Ее пели в городах и селах Приамурья и Уссурийского края, но на запад она продвигалась медленно, и за Уралом ее никто не знал. Но вот в 1929 году композитор А. В. Александров, руководитель ансамбля Красной Армии, записал под Киевом, в Дарнице, песню, которая ему очень понравилась своим раздольем, широтой, напевностью. Композитор был убежден, что он услышал новую пес-

В. А. Серов. Сибирские партизаны.

Владивосток сегодня. Фото Н. Маторина

но, но это был «Партизанский гимн». Правда, слова были другие:

Из Ленинграду, из походу
Шел советский красный полк,
Для спасения Советов
Нес геройский трудный долг.

Эта песня вошла в литературно-музыкальный монтаж «Особая Дальневосточная армия», созданный ансамблем. Над текстом монтажа работал поэт Сергей Алымов. Сам дальневосточник, он включил в текст «Партизанский гимн» Петра Парфенова, не зная автора гимна и полагая, что песня — плод народного творчества. Песню приамурских партизан запели всюду — в армии, в концертах, на дружеских встречах.

Умер Сергей Алымов, безвинно погиб Петр Парфенов. Спор о том, кто автор текста песни, был

решен в 1962 году. Но кто автор мелодии? Без музыки песня мертва, это — всего только стихотворение. Некоторое время автором считали А. Агурова, который напел ее А. В. Александрову в 1929 году. Но оказалось, что Агуров ее от кого-то услышал.

В мелодии узнаешь широкую русскую душу, улавливаешь гул тайги, свист ветра на амурских просторах, чуешь мерный топот тысяч вооруженных людей. Боевая песня, могучая песня!

Автор неизвестен. А может быть, имя его — народ? Может, родилась она на таежных привалах, в промежутках между боями, когда каждый вплетал в импровизацию запевал свой узор? И кто разберет теперь, кому принадлежит тот или иной из этих узоров, составивших ткань песни, облетевшей землю по всем ее долинам и взгорьям.

ПРИСЯГА

Рота с марша расположилась на привал в балке, поросшей дубовым кустарником. Назавтра бойцы должны быть подготовлены к военной присяге, а затем они пойдут в битву на передний край.

Командир роты лейтенант Константин Чепурный принял роту всего неделю назад и не вполне еще освоился со своими людьми. В роте были и молодые люди и постарше, разных гражданских занятий и разной души. Сам Чепурный был еще молодой офицер и застенчивый человек, и смущенность перед людьми мешала ему быстро сблизиться с ними. Однако, кто узнавал Чепурного близко, тот видел, что застенчивость этого человека служила ему на пользу. Это свойство сдерживало энергию командира от расточения ее впустую, в ненужную для воинского дела суету, и хранило его душу цельной, постоянно готовой непосредственно воспринимать действительность в ее истинном значении.

В поросшей балке, когда красноармейцы присмотрелись и вслушались, существовал весь великий прекрасный мир жизни: там пел соловей своим словно сияющим голосом, и укромно куковала грустная кукушка, вдалеке в устье балки, где находилось заглохшее травой болото, какой-то жук мычал голосом быка и чувствовал там, наверно, себя хорошо; трава возле бойцов светила в ответ солнцу живым, кротким светом своей зеленой жизни, а листья кустарника просвечивались насквозь, обнажая тайну их нежных тел, питающихся солнцем.

— Тут жить ничего, — удовлетворительно оценил местоположение пожилой боец Абрам Тихонов. — Тут и умирать неохота!

— А вдруг да придется, дядя Абрам! — отозвался в сомнении Пронин, тоже не юный уже человек. — А вдруг да, глядишь, неделя — другая минует, и мы с тобой лежим где-нибудь в овраге кверху ногами, не в этом, так в прочем месте!

— Такая ошибка жизни бывает! — согласился Абрам Тихонов. — И тогда солдату приходится враз помирать! От этого, брат, как вспомнишь, так в уме тоска! Вот ведь враг какой навязался на нас, чтоб ему век не стоямя стоять, а лежмя лежать!

Лейтенант Чепурный слушал и понимал, что эти бойцы неправильно думают о смерти. Солдат есть человек, призванный сберечь от смерти свой народ. Однако кто же, как не он, лейтенант, командир роты, должен научить своих людей правильному пониманию жизни и смерти? Ведь он им здесь должен заменить и лучшего друга и на-

ставника, которого бойцы не знают теперь, кроме него. Бойца нельзя оставлять без опоры на командира.

Лейтенант велел бойцам почистить и осмотреть оружие, чтобы назавтра было загодя все исправно, а затем спросил у красноармейцев: «Что такое есть у солдата, что считается самым первым и самым важным его оружием?»

Бойцы задумались, озадачились и стали говорить по-разному. Один сказал, что это — штык, другой — сытный привароч, третий — приклад от винтовки, четвертый — пулемет.

— Нет, это все не точно, вы не угадали, — сказал лейтенант Чепурный. — Первое и самое сильное оружие есть верное сердце солдата. А верное сердце есть любящее сердце. Потому оно и верное, что любит и не может забыть свое отечество — землю своих родителей и землю своих детей, ту самую землю, из которой составлено наше собственное тело и наше сердце. А если даже можно это нечаянно забыть, то все одно будешь чувствовать, что любишь отечество, иначе отсохнешь ото всех и умрешь сам по себе.

— Это вполне точно, товарищ лейтенант! — высказался первым Абрам Тихонов. — Так оно и есть, когда чувствуешь правду.

Позже, под вечер, лейтенант Чепурный сходил к командиру части и получил от него указания о порядке завтрашнего торжественного дня. По дороге Чепурный увидел братскую красноармейскую могилу. Холм на могиле уже размыт был дождями, ветер выдувал с него грунт, и давно уложенные полевые цветы засохли.

Вечером Чепурный привел свою роту к той могиле и сказал бойцам, что сода в землю навечно легли наши люди, ради того, чтобы отвести смерть от нашего народа.

— Они узнали гибель за нашу Родину, за жизнь всего человечества, — медленно говорил командир, беря слово. — В своей душе они пережили высшую судьбу войны — они исполнили свой долг, не щадя своей крови и самой жизни, как сказано в присяге, потому что хотели одолеть насмерть нашего смертельного врага. Теперь они стали святыми людьми в вечной памяти нашего отечества. Поклонимся им, товарищи!

Лейтенант стал на колени и склонился ниц лицом, целуя серую, сухую землю могильного холма. Все бойцы также опустили на колени следом за командиром и каждый затем поклонился мертвым и тихо поцеловал землю.

Потом лейтенант, чувствуя расположение к себе людей, напомнил им:

— Вот завтра вы примете присягу. Это важно для каждого красноармейца. В присяге он клянется Родине своей верной любовью, и пусть ваше сердце постоянно чувствует любовь к своему живому народу и его святым мертвым мученикам, тогда оно всегда будет вашим мужественным, верным оружием.

Солдаты задумались, и лица их стали спокойными. Человек пять из них начали работать у могилы лопатами, чтобы оправить холм на ней, а другие пошли в поле нарвать свежих цветов на место засохших.

Утром в балку, поросшую дубовым кустарником, пришли еще три роты. Командир батальона при-

Рассказ

(Окончание на 13-й стр.)

К РАДОСТИ!

Караян репетирует Бетховена... Это похоже на путешествие по строительным лесам величественного здания. Сетка сплетенного дерева еще скрывает его рисунок, но контуры уже кое-где прочерчиваются, разрозненные элементы соединяются в мощные линии бетховенской архитектуры. Идет репетиция Берлинского симфонического оркестра, с которым Герберт фон Караян работает над Девятой симфонией. Бывает, что кто-то из каменщиков-музыкантов ошибается, и тогда до него доносится гневная и извительная реплика Караяна: «Четче акценты! Это фальшь... Здесь крещендо только начинается, а пока все идет тихо... Между прочим, так у нас случается каждый раз... Клянусь вам, быки играли бы точнее»...

Резко? Да. Но ведь это важное дело, это создается музыка...

Если здание может быть построено единожды, а затем лишь переделано, то музыкальное произведение возводится каждый раз наново. И каждый раз рождается новый Бетховен.

Некоторые критики считают, что интерпретация бетховенских сочинений не составляет сильной стороны творчества австрийского дирижера, что Малер и Сибелиус ему удаются лучше. Но Девятая симфония с хорами на оду Шиллера «К радости» — исключение.

Вот знаменитая интродукция-речитатив — инструментальное преддверие финального хора. В первоначальных эскизах Бетховена в этом речитативе были слова. Потом композитор отказался от них и оставил оркестр в одиночестве. Почему он так поступил? В поисках ответа Ромен Роллан обратился к шекспировскому примеру: в «Гамлете», как известно, актеры, представляющие сцену убийства, безмолвны; немая пантомима предваряет дальнейшее действие. Роллан делает вывод: в последней симфонии Бетховена содержится театральное зерно, вся она — грандиозное представление. Вероятно, поэтому «Девятая» не идет вразрез с особенностью таланта Караяна-художника, тяготеющего к музыкальному театру.

Караян сказал, что работать над итальянской оперой он учился у Тосканини, который знал лучше, чем кто-либо другой, как следует исполнять музыку его родины. Точно так же, открывая бетховенские страницы, полезно прислушаться к тому, как их исследует и толкует Герберт фон Караян.

А. ГАЛЬПЕРИН

Десять лет назад, 13 февраля 1956 года, была открыта первая советская обсерватория на берегу Антарктиды в южной части Индийского океана.

Десять лет назад никто не знал, каковы условия в центре континента. Советские исследователи были первыми людьми, которые, подобно отважным врачам, прививали себе грозный климат Антарктиды. В глубине материка появились три советских станции. Одна из них — «Восток» — стала своеобразным чемпионом по жестокости холодов: 24 августа 1960 года здесь зафиксирована температура $-88,3^{\circ}$.

Только мужеством можно измерять труд пионеров Антарктиды. По невероятным ледникам, где каждый пройденный метр стоит громадных усилий, советские экспедиции прошли сотни километров по внутренним районам материка: до Южного географического полюса, до Полюса Относительной Недоступности; от станции «Восток» через Полюс Недоступности — к центру Земли Королевы Мод, к станции Молодежной на берегу Земли Эндерби. Красные капоты их вездеходов пробивали в снегах путь советской науке.

Сейчас на шестом континенте заканчивает работу десятая экспедиция. На смену отправляется одиннадцатая. Ныне Антарктида — обыкновенный пациент советской науки. И все-таки каждый, кто вступает на белый берег, будет всегда благодарен пионерам Антарктиды, для которых она была и таинственной, и загадочной, и чересчур жестокой. Об одном из них — Оскаре Григорьевиче Кричаке — рассказывает звуковая страница журнала.

А. ТРЕШНИКОВ,
доктор географических наук,
директор Института
Арктики и Антарктики.

Время, которое не станет для нас только прошлым! Каждая деталь его, каждая примета — дороги, потому что исторический зал Авроры — это не только салют новому государству, но и приветствие тем, кто родился через десять, двадцать, тридцать лет!

Костры у Смольного. Первые декреты. Первые большевистские лозунги...

Огромная, стылая мастерская художника. Смотрят гипсовые вечные мифы. Художник в шинели перед натянутым холстом...

В восемнадцатом году Б. Кустодиев пишет своего «Большевика». К. Петров-Водкин оформляет революционные праздники. Художники торопятся осмыслить, передать своим языком происходящее...

На первой странице обложки нашего журнала — фотография фарфоровой тарелки. В композицию включен портрет В. И. Ленина работы Н. Альтмана, одного из первых художников, рисовавших Ленина. Тогда это произведение только утверждало лозунг народившейся революции. Справедливый принцип пролетариата.

В те годы в Москве и Петрограде устраивались витрины агитационного фарфора: изделия мастеров советского фарфора показывались на международных выставках, являясь, по образному выражению А. В. Луначарского, первым полпредом СССР за границей... Сейчас — это примета времени, трудного, голодного, но открывшего для нас настоящее.

Т. БЛИНОВА

вахта во льдах

У музыки много предназначений. Она может будоражить человека или успокаивать его, доставлять удовольствие или настойчиво взывать к разуму, формировать нравственный и интеллектуальный облик человека. Слушая, скажем, мессу Баха, симфонию Бетховена или оперу Мусоргского, мы не скажем, что получаем лишь удовольствие.

Высокая баховская философия, героизм и революционность бетховенских партитур, музыкальная летопись Мусоргского о России, — именно такие страницы способны заставить слушателя задуматься, внимательнее приглядеться к себе, к жизни.

Не всякий композитор способен высечь эту искру раздумья...

но и современно звучат произведения Георгия Свиридова.

Многое роднит его, в частности, с Мусоргским, и прежде всего стремление постичь народную жизнь в переломных, нередко драматических моментах. У Мусоргского — история и дух старой России в народной музыкальной драме «Хованщина» и «Борисе Годунове». История советской России — у Свиридова. В поэме «Памяти Сергея Есенина», музыкальных фресках «Левый марш», «Город-сад», «Разговор с товарищем Лениным» из «Патетической оратории» на стихи Маяковского... Соавторы Свиридова — Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак, Твардовский, Исаакян. Композитор кровно связан и с Бернсом, и с Уитменом, и

ПАЛИТРА

Когда происходят значительные события, кристаллизуются большие идеи, накапливается исторический и душевный опыт, тогда появляются художники — выразители народного сознания, острее и глубже других чувствующие движение времени и дух народа. Их произведения наполнены непрیکрашенной правдой жизни, интеллектуальной силой, точным социальным звучанием. Форма такого произведения предельно проста, ибо оно адресовано каждому, для каждого.

В русской музыкальной классике этим даром владели Глинка, Даргомыжский, Бородин и, в особенности, Мусоргский, чей «лот» исследования народной жизни проник в самые глубинные слои. Рядом с их могучей музыкой страст-

с Шекспиром. В этих именах — разнообразие поэтических миров. Разнолика галерея созданных поэтами человеческих характеров — будь то честный шотландец Робин, «последний поэт деревни», творцы «города-сада» или «докладчик по душе» в «Разговоре с товарищем Лениным».

Русская крестьянская песня, мелодия нового революционного эпоса, городские попевки, старинные распевы, поэтически преобразованные композитором, создают неповторимую свиридовскую палитру.

Сочинения Свиридова широко известны. Они стали не только принадлежностью любителей музыки, но и частицей нашей культуры.

**В. РУБИН, композитор.
Фото Л. Лазарева**

СВИРИДОВА

ПРИСЯГА

(Окончание. Начало на 8-й стр.)

казал своей части построиться повзводно, вынесли полковое знамя. Красноармейцы приносили воинскую присягу. Вокруг людей в торжественном летнем утре пели птицы, блестели травы и цветы в сырой росе, а в какой-то удаленной избушке еще напевал одинокий сверчок, не уставший за короткую ночь. Командир батальона обратил внимание красноармейцев на важность каждого слова военной присяги. Он медленно произнес слова из присяги: «Я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни».

— Присяга — это клятва нашей Родине, товарищи красноармейцы, — сказал командир батальона, — это клятва ее верных сынов, что они сберегут ее живую даже ценою своей жизни, но я надеюсь, что вы сумеете сберечь нашу Родину не только ценою своей жизни, а ценою гибели врага, и это будет полезней, а наша Родина рада будет сохранить каждого своего сына живым. Так не пощадим врага, отвоюем, как следует умелой рукой и твердым сердцем и останемся жить на свете честными солдатами, которые не убоялись смерти и уничтожили своим оружием врага.

Издали донеслась пушечная канонада, и звуки ее большими волнами пошли в голубом воздухе над головами безмолвных людей.

Присягу принимали в каждом взводе отдельно, командир взвода вызывал бойца своего подразделения, тот читал громко вслух слова присяги перед лицом своих товарищей.

После принятия присяги командир батальона поздравил всех красноармейцев.

— Пусть эта клятва станет неотделимой частью вашей души и верой вашего сердца, — провозгласил командир.

Бойцы роты лейтенанта Чепурного расположились на дневку, и весь долгий день лейтенант провел неотлучно со своими людьми. Бойцы ели, играли в шашки и домино, веселились, и никто не сказал слова о пушечной стрельбе, что весь день слышалась им с близкого фронта.

Военная присяга была лишь кратким обращением к Родине, клятвой в верности ей насмерть, нужно же, чтобы обращение солдата к своей Родине было повторным и постоянным, чтобы сердце его постоянно укреплялось в своей вере и любви к ней. Но кто же должен заботиться о том, чтобы сердце солдата исполнилось духом верной любви к отечеству? — размышлял лейтенант Чепурный в ночное время, завернувшись в плащпалатку на сыреющей траве. — Ведь вера солдата всего лучше укрепляется делами и примером его командира. Отечество лежит за спиной солдата, а здесь вместо отца перед лицом его стоит один командир.

И лейтенант Чепурный встал с земли в радости, что он готов исполнить свое назначение.

1943 г.

ИЛЬИНСКИЙ ОМУТ

Корреспондент «Кругозора» попросил Константина Паустовского прочитать для слушателей журнала одно из своих последних произведений. Писатель сказал: «Я прочитаю из «Ильинского омута»... Начало рассказа на пятой звуковой странице.

...Трудно объяснить, откуда берутся привычки, и притом неожиданные. Каждый раз, собираясь в далекие поездки, я обязательно приходил на Ильинский омут. Я просто не мог уехать, не попрощавшись с ним, со знакомыми ветлами, со всероссийскими этими

полями. Я говорил себе: «Вот этот чертополох ты вспомнишь когда-нибудь, когда будешь пролетать над Средиземным морем. Если, конечно, туда попадешь. А этот последний, рассеянный в небесном пространстве розовеющий луч солнца ты вспомнишь где-нибудь под Парижем...» И все сбылось. Действительно, самолет шел над Тирренским морем. Я посмотрел в круглое окно-иллюминатор и невольно встал. В бездонной синеве и глубине появились желтые очертания острова, похожего на цветок чертополоха. Это была Корсика. Потом я

убедился, что острова с воздуха принимают причудливые формы, так же как и кучевые облака. Эти формы им сообщает наше человеческое воображение. Изорванные многими тысячелетиями, покрытые окалиной жары, берега Корсики, ее замки, защищавшие остров... — все это не могло оторвать мои мысли от маленькой сыроватой ложбины на Ильинском омуте, где пахло болиголовом и стоял одинокий чертополох, высотой в человеческий рост, — неприступный, оцетинившийся своими колючками, своими острыми налокотниками и забралами. На западном бе-

К. Г. Паустовский. Август, 1965 г.
Таруса.

Фото А. Лидова

железную калитку, молча взяла плату за вход и сердито махнула рукой — показала нам, откуда надо начинать осмотр парка...

Парк был пуст. Мы не встретили в нем ни одного человека. Никто бы не помешал нам побеседовать с тенью Руссо, если бы она существовала в этих местах. Под ногами трещали желтые листья платанов. Они засыпали не только всю землю вокруг, но и гладь туманных и тихих прудов. Никогда в жизни я не видел таких огромных платанов...

На острове среди пруда белела гробница Руссо. К ней можно было подъехать только на лодке. Но лодок на пруде не было. И праха Руссо тоже на острове уже не было. Его давно перевезли в Пантеон. Потом сквозь тюлевую мглу облаков начал просачиваться розовый свет солнца, и платаны вдруг как бы ожили и переменялись в лице — покрылись медным блеском.

Я вспомнил такой же розовеющий вечер на Ильинском омуте, и тоска стиснула сердце — тоска по нашей простой земле, своим закатам, своему подорожнику и скромному шороху палой листвы. И прекрасная Франция предстала великолепной, конечно, но равнодушной к нам. Тоска по России легла на сердце.

С этого дня я начал торопиться домой, на Ону, где все было так знакомо, так мило и простодушно. У меня похолодело под сердцем при одной только мысли, что возвращение на Родину может по какой-либо причине задержаться хотя бы на несколько дней. Я полюбил Францию давным-давно. Сначала умозрительно, а потом вплотную, всерьез. Но я не мог бы ради нее отказаться даже от такой малости, как утренний шафранный луч солнца на бревенчатой стене старой избы. Можно было следить за движением луча по стене, слушать голосистые вопли деревенских петухов.

...Человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца.

регу острова горстью выброшенных небрежной рукой игральных костей был рассыпан маленький город. Он выходил из-под крыла самолета, как пчелиные соты. Это было Аяччо — родина Наполеона.

— Все завоеватели — клинические сумасшедшие, — сказал, поглядев на Аяччо, мой сосед, толстый и шутливый итальянец в черных очках. — Как мог человек, родившийся и выросший среди такой красоты, стать мировым убийцей? Невозможно понять...

...Рим сверкал вдали яростными отражениями солнца в стеклянных

стенах многоэтажных новых домов. Радио с пулеметной скоростью нервно кричало, что синьора Парелли ждет у главного входа его собственная машина. И мне нестерпимо захотелось домой, в бревенчатый простой дом, на Оку, на Ильинский омут, где меня дожидаются ивы, туманные русские равнинные закаты и друзья.

Что же касается розовеющего луча солнца, то я увидел его несколько дней спустя вблизи Парижа в городке Эрменонвиле, где в старинном поместье жил последние свои годы и умер Жан Жак Руссо. Консьержка открыла нам

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ХОЗЯЙКА

«ЛЕСНОЙ ОПЕРЫ»

Самый занятый администратор в мире — Евтерпа. В ведении древнегреческой музы, покровительницы песен, как утверждает статистика, около десяти тысяч музыкальных фестивалей, которые ежегодно устраиваются в девяноста восьми странах мира. И все же, несмотря на занятость, Евтерпа смогла три дня погостить в Сопоте.

В «Лесной опере» среди прибалтийских сосен под огромным нейлоновым куполом бушевал большой песенный марафон. К победе стремились 28 новых песен и столько же исполнителей из Канады, Кубы, Мексики, Израиля, США. Тридцать композиторов, музыкантов и критиков из двадцати пяти стран мира высказали свое мнение.

Канадская певица Моника Лейрак впервые в истории сопотского фестиваля завоевала обе первые награды — и за мастерство и за представленную на конкурс песню Жилля Виньо «Мой край». Вторая премия за исполнение присуждена советскому певцу Эдуарду Хилю, а песня А. Петрова «Я шагаю по Москве», которую пел Хиль, получила четвертую премию. И, наконец, третий победитель — греческая певица Ники Камба и песня Катсароса «Каждый порт — ностальгия».

Впрочем, не будем голословными. С мастерством новых лауреатов и их песнями вы можете ознакомиться на звуковой странице. Как говорится, так повелела Евтерпа.

В а р ш а в а

В. ЛЮБОВЦЕВ

— Я никогда не разрешала корреспондентам приходить ко мне на работу, — сказала Алла Йошпе. — Поймите меня правильно: я боюсь упрощений. Однажды напечатали: «Она выходит на сцену, не успев снять халата». Так нельзя...

Последующий разговор заставляет постепенно забыть, что перед тобой певица. Алла окончила философский факультет МГУ по отделению психологии. Сейчас в аспирантуре занимается нейропсихологией.

Звонит телефон. Аллу вызывают на телевидение — съемка.

Наука и искусство — это две галактики. Каждая требует человека целиком. Тут и речи не может быть о каком-то совмещении.

Дать жизнь новой, никому не известной песне иногда, может быть, так же трудно, как дать жизнь новой идее в науке.

На профессиональной сцене получили полные права гражданства «Листопад», «Каргаполочка», «Царевна Несмеяна». Вывести в жизнь самостоятельную песню... Алла неизменно берется за это. И реакция публики доказывает, что труд не пропал даром.

Одна девочка написала, что очень переживает за Несмеяну и хочет, чтобы у нее все было хорошо. Девочка придумала новый конец к песне: все кончается счастливо, Несмеяна больше не плачет.

СЦЕНА ИЛИ НАУКА?

И. ЛЕТИН

Пособие по арифметике

*Особенно сильно противник
провел эндшпиль*

В часы пик...

Рисунки В. Воеводина, А. Волкова,
А. Грунина, Л. Сихарулидзе,
Е. Шабельнина.

Модница.
Фото О. Кузьмина

*— Тыфу, ты! Опять не ту скорость
включил!*

Первый урок сольфеджио

В номере:

1. Голоса нашей биографии. Всесоюзный староста М. И. Калинин.
2. Страница Октября. Наш фонофильм «Присылайте устав».
- 3—4. Доведет ли язык до Киева? Звуковая повесть с приключениями и монологами героев.
5. Читает Константин Паустовский.
6. Поэт Алла Йошпе. (Г. Шангин-Березовский «Царевна Несмеяна», Д. Модуньо «Озорница», Г. Дехтяров «Ночка луговая»).
7. Избранные страницы советской музыки. Георгий Свиридов: «Вечером синим» на стихи С. Есенина и Престо из музыки для камерного оркестра.
8. Герберт Караян на репетиции Девятой симфонии Бетховена.
9. Антарктический вальс.
10. Партизанская - дальневосточная «По долинам и по взгорьям». О. Фельцман и В. Сергеев «За Советскую власть».
11. Сопот — 1965. Победители конкурса песни. Моника Лейран (Канада), Эдуард Хиль (СССР) и Нини Камба (Греция).
12. Ритмы для танцев.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строится Молдавская ГРЭС. Фото Б. Кузьмина.

Оформление Е. Казакова.
Техн. редактор Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.

Телефоны редакции:
В 3-74-42; В 3-74-59.

В03800. Подписано к печати 18/X 1965 г. Формат бумаги 84×108^{1/2}. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1. Тираж 153 000 экз. Зак. 2790. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Цена 1 руб.

